

*Посвящается моей семье
и стражам моста Марии-Валерии*

*В тот день я наконец признаюсь,
Что дороже тебя в мире нет никого,
Ведь я люблю тебя всего.*

ОСКАР ХАММЕРСТАЙН II
и ДЖЕРОМ КЕРН

ГЛАВА 1

Кэтлин Беккет нездоровилось. Было воскресенье. Ноябрь. Удивительно тепло для этого времени года. Она скинула одеяло и перевернулась на спину, развязала бант на ночной рубашке. Она сказала своему мужу, Вирджилю, что не пойдет в церковь, но переживать не стоит. Пусть сходят без нее.

Вирджил замешкался. Они ходили в церковь уже полгода, и его жена до сих пор не пропустила ни одной службы.

— Дорогая, ты правда в порядке? — спросил он, завязывая галстук.

Кэтлин, Кэти для друзей, Кейти, когда Вирджил был особенно милым, кивнула.

— Со мной все в порядке, — сказала она. — Не стоило в этом спать. Иди. Увидимся, когда вернешься.

Вирджил поцеловал жену в лоб. Их сыновья, Николас и Натаниэль, стояли в дверях.

— Маме нездоровится, — объяснил он. — Идите одевайтесь.

Мальчики уставились на мать.

— Что с ней? — спросил Николас.

Вирджил строго посмотрел на него.

— Я же сказал: маме нездоровится. Не приставайте к ней.

Мальчики ушли в свою комнату и переоделись в костюмы для церкви. Вирджил приготовил завтрак, загнал всех в свою новенькую машину — “бьюик блюберд” 1957 года — и уехал в направлении Первой пресвитерианской. Церковь была в пятнадцати милях от Акрополис-плейс — залитого солнцем пятиугольного жилого комплекса на окраине Ньюарка, штат Делавэр, где Беккеты жили с прошлого мая, с тех пор как Вирджил начал работать в “Справедливом страховании” в Уилмингтоне.

Это место выбрала Кэтлин. Всего лишь квартира, зато новая, полностью застеленная зеленым ковролином, и с изюминкой в виде газового камина, заживавшегося нажатием кнопки. Там имелись холодильник и высокий книжный шкаф для ее романов и кулинарных книг. Из гостиной можно было выйти через стеклянную дверь на белый балкон с коваными решетками, с которого открывался вид на маленький изогнутый бассейн, которым, насколько видели Беккеты, за десять месяцев в Акрополис-плейс никто не пользовался.

Вирджику было все равно, где жить, лишь бы Кэтлин была счастлива, но ему пришлось согласиться на зарплату поменьше, чтобы переехать в Делавэр и начать работать в “Справедливом страховании”. Дом в Род-Айленде они продали за столько же, сколько заплатили за него почти десять лет назад. Он надеялся, что им не придется долго жить в этой квартире.

После Рождества, наверное, можно будет начать искать дом в Уилмингтоне, но пока что им придется

каждое воскресенье ехать пятнадцать миль до Первой пресвитерианской и сорок минут сидеть на деревянной скамье, выслушивая, как преподобный Андерхилл с похвальным хладнокровием вещает что-то об Иисусе и совместных трапезах.

Обычно после службы Вирджил с другими мужчинами из “Справедливого страхования”, покуривая, стояли на газоне у церкви в шляпах и выглаженных костюмах и вели разговоры о своих семьях и бизнесе, пока женщины в накрахмаленных юбках общались в вестибюле с преподобным, предвкушая, как вернутся домой, где будут готовить, попивая коктейли, ужин. Сегодня же странно теплая погода заставила всех покинуть Первую пресвитерианскую с такой скоростью, что преподобный, смотря на то, как его паства стремительно разбегается, невольно задумался, что такого он сказал.

Вирджил Беккет покинул церковь раньше всех. Когда он велел мальчикам одеваться, в нефе еще звучали мажорные аккорды последнего гимна. “Сначала проведею Кэтлин, — подумал он. — Потом позвоню Вузу”. Поле для гольфа наверняка открыто в такой теплый день, хотя в ноябре он еще никогда не играл.

На деревьях уже почти не осталось листьев.

Вирджил думал о гольфе все сорок минут службы и не мог бы повторить ни слова из того, что сказал преподобный Андерхилл. Он вырос в Калифорнии, так что теплая осень была ему по душе. Он представлял, как он в летней рубашке и брюках взмахивает клюшкой и чувствует ручейки пота на спине. Он представлял запах жухлой травы под ногами, ноябрьское солнце в небе. Сейчас, поторапливая мальчиков, он задумался, открыто ли вообще поле и даже если от-

крыто, потрудился ли кто-нибудь убрать листья и постричь газон.

— Залезайте, — сказал он, и мальчики плюхнулись на заднее сиденье “блюберда”.

Вирджил посмотрел на сыновей в зеркало заднего вида. Они были не очень разговорчивы и сутулились. Оба уже сняли куртки. Лица у них были красные и потные.

— Мальчики, все в порядке? — спросил он.

— Мы не любим церковную одежду — ответил Николас.

Николас, младший брат, часто говорил за обоих.

— Мы почти приехали, — сказал Вирджил. — Дома можете переодеться и пойти подышать свежим воздухом. Посмотрите, какая погода! Сходите погуляйте, поиграйте в мяч.

Мальчики промолчали.

Вирджил включил левый поворотник. “Блюберд” затикал, и они подождали.

Вирджил вдруг подумал, что Кэтлин может быть беременна.

И почему ему это раньше не пришло в голову? Обычно женщины не рожали после тридцати, но третий ребенок в ее возрасте — это не так уж и странно. У многих агентов в “Справедливом страховании” было по трое детей.

Но тут важно быть осторожным; нельзя жадничать и брать на себя больше, чем сможешь выдержать. Вирджил не очень хорошо знал Тома Брэддока, но у него было четыре сына, и ему все годами завидовали. А месяц назад один из них умер.

Это случилось прямо у дома. Какой-то тромб в мозгу — или в сердце? В ноге? Так или иначе, но маль-

чик просто упал замертво на крыльце дома, и теперь Вирджил обходил Брэджока стороной. Это было ужасное, невообразимое невезение, и он боялся его подцепить. Начальник Вирджила, Лу Портер, сказал Брэджоку отдохнуть дома подольше, сколько потребуется, и все притворялись, что это ради Брэджока. На самом деле никто не хотел находиться с ним рядом.

Вирджил задумался, получится ли в этот раз девочка. Кэти бы дочь пошла на пользу, подумал он. Ему было хорошо с мальчиками, но с девочкой Кэти было бы лучше. Иногда он беспокоился, что Кэти одиноко в доме, где одни мужчины.

К тому времени, как они повернули к Акрополис-плейс и заехали во двор, Вирджил Беккет представлял свою дочурку так же четко, как предстоящую партию в гольф. Он помог мальчикам вылезти из машины, хлопнул дверьми и поднялся в квартиру 14Б, перескакивая через ступеньку. Там он сразу прошел в спальню, чтобы посмотреть, как дела у его жены.

— Кэт? — позвал он.

Ее не было.

Вирджил с минуту стоял на месте, глядя на аккуратно заправленную кровать.

— Кэтлин?

Он вышел из спальни и поискал в гостиной и на кухне.

Ее не было нигде. Он было подумал, что она вышла в аптеку за аспирином или еще за чем, но вдруг услышал голос Николаса:

— Мама в бассейне!

Вирджил вышел к сыновьям на балкон.

Кэтлин стояла в дальнем конце бассейна, вода была ей по грудь, локти лежали на бетонном выступе,

обрамлявшем бассейн. На ней был старый красный купальник, времен колледжа. Вирджил не видел его много лет.

— Кэти, — рассмеялся он, — что ты делаешь?

Она посмотрела вверх, одной рукой прикрывая глаза от солнца. В другой руке она держала сигарету. Увидела Вирджила и помахала ему.

Вирджил вернулся к входной двери, спустился вниз, и к тому моменту, когда он добрался до бассейна, несколько соседей уже открыли стеклянные двери и смотрели на происходящее с балконов.

Он опустился на колени.

— Кэт, — сказал он, — ты в порядке?

Миссис Беккет улыбнулась мужу.

— Конечно. Все хорошо, — ответила она, — лучше не бывает.

— Что ты тут делаешь?

Кэтлин Беккет, в девичестве Лавлейс, в юности была спортсменкой. Она была высокой и когда-то стройной. Она занималась теннисом и в студенческие годы достигла больших успехов, выиграв меж-университетские соревнования за Университет Делавэра в 1947 и 1948 годах. Черно-белое фото Кэтлин в теннисной форме и с ракеткой все еще висело в университетской библиотеке.

Она говорила, что ее героиня — Маргарет Осборн Дюпон, текущая чемпионка США, которая к 1957 году завоевала тридцать три титула на турнирах Большого шлема и десять кубков Уайтмена. Маргарет Осборн Дюпон, жившая в просторном уилмингтонском имении всего за двадцать миль от Ньюарка, была самой выносливой теннисисткой, которую Кэтлин когда-либо видела. Прочитав в газете, что отец

Маргарет умер, Кэтлин написала ей длинное письмо о том, как она ей восхищается.

Вирджилю всегда нравилось смотреть, как Кэтлин играет. Высокая, быстрая, она словно летала по корту. Правая рука делала мощный взмах, ракетка била по мячу, и иногда Кэтлин издавала гортанное “Ха!”.

В свой последний год в колледже Кэтлин недолго, но подумывала, не пойти ли ей в профессионалы — был один скаут, Рэнди Роман, который мог бы это устроить в любой момент, — но такая жизнь была бы тяжела, и Вирджил был благодарен мистеру Роману за честность в этом вопросе. Тот объяснил, что это такое, все время тренироваться, играть в теннис по всей стране — или, если она преуспеет здесь, то и в Австралии, — и в конце концов Кэтлин отказалась.

Она выпустилась, вышла за Вирджила и переехала с ним в Потакет обустроить семейное гнездышко.

Когда родились мальчики, Кэтлин продолжила играть в теннис для удовольствия. Она не всегда выигрывала: говорила, что важнее дать друзьям выиграть несколько раундов, чем побить их всухую, и к тому же ее тело так и не восстановилось до конца после беременности. Она двигалась медленнее, была слабее. В конце концов она совсем перестала играть в теннис, и теперь Вирджил каждый день говорил ей, какая она красавица.

В бассейне Кэтлин опустила руки и позволила им качаться на воде. Ее мокрые каштановые волосы были собраны в пучок. Она игриво поболтала ногами, и Вирджил видел, как движется под водой плоть ее бедер. Когда пальцы ее ног касались дна, все тело немало сотрясилось.

— Мне стало жарко, — сказала она. — Вот я и вышла.

Вирджил смотрел на синее небо и беспокоился о Кэтлин. Потом он забеспокоился о гольфе. Теплый ноябрь — нечастое явление в Делавэре, надо как можно скорее позвонить Вузу. Арти Вуз, самый амбициозный из его коллег, никогда никого не ждал, кроме их начальника. Когда дело касалось Лу Портера, шутили они, терпение Артура Делано Вуза было безграничным.

“Сейчас, должно быть, градусов двадцать,” — подумал Вирджил, наблюдая за улетающим косяком канадских гусей. Уже полдень?

— Полно, миссис Беккет, — сказал он. — Неужели вы еще недостаточно охладились?

Кэтлин нырнула, набрала в рот воды и, вынырнув, выплюнула ее. Обычно она смеялась, когда он называл ее “миссис Беккет”, но не сегодня.

— Я просто решила искупаться. У нас же есть бассейн, а им никто не пользуется. Когда мы сюда переехали, мы говорили про бассейн. Он открыт, а мальчики в нем не плавают. Так что я решила искупаться.

Она покачалась на носках и помахала мальчишкам.

Они не помахали в ответ.

— Кэтлин, — тихо спросил Вирджил, — ты беременна?

Его жена закрыла глаза и снова выплюнула воду, дергая лямку купальника.

“Сколько лет я его не видел? — подумал Вирджил. — Лет восемь, не меньше. Где-то с сороковых”.

Купальник был допотопный, с какой-то юбочкой внизу, и Вирджику не нравилось, как лямки врезаются в мясистые плечи Кэтлин, оставляя на них красные полосы. Материал был такой старый, что изнашивался на груди, и Вирджил с ужасом осознал, что, если при-

смотреться, можно увидеть соски его жены, круглые, как мишени.

Вся эта ветхая конструкция, казалось, вот-вот развалится.

Вирджил присел на корточки возле бассейна, как делал его тренер по плаванию в колледже. В отличие от жены, он не был спортсменом: он занимался плаванием только один семестр и ничего не выиграл. Поражения его нисколько не задевали. Хотя ростом Вирджил не вышел, он был одним из самых привлекательных парней в колледже — его называли “Таб”, в честь Таба Хантера¹, — так что на карту для него было поставлено немного. Его мать, стройная красавица-блондинка по имени Элизабет — Битси, — говорила ему, что волноваться не стоит: красивым это незачем.

Вирджил старался не думать о соседях, которые появились на балконах. Они пожилые, им больше нечего делать между воскресной службой и обедом.

Кое-кто показывал на них пальцем.

Эта сцена начинала напоминать ему тот случай еще в Потакете, до рождения мальчиков, когда Кэти сделала ему сюрприз, заявившись к нему на работу в плаще, под которым была только ночнушка. Ночнушка была длинная и мятая и выглядывала из-под плаща. Она выглядела чокнутой. Он всегда думал, что предпочел бы, чтобы она была голой, и вот она стоит в бассейне в ноябре.

— Прекрати *раскачиваться*, бога ради, — сказал он.

Кэтлин уставилась на воду.

— Почему?

¹ Американский киноактер Артур Эндрю Галин (1935–2018), известный под псевдонимом Таб Хантер, был популярен в 1950-х годах.

Вирджила передернуло. Он не был жестким и ситуации, когда что-то шло не так, как должно, терпеть не мог. Всю жизнь он предпочитал подстраиваться под те условия, в которые его поставили.

Он воевал, как и все, и большую часть мужчин этот опыт либо уничтожил, либо мотивировал стать лидерами. С Вирджилом Беккетом не случилось ни того, ни другого. В мае 1944 года его отправили в Италию для атаки на юг Франции, которая так и не произошла. Там он провел две недели как в тумане, гуляя по руинам Неаполя. Когда он подвернул ногу, вынося мусор, притворился, что она сломана, и ходил по больнице на костылях еще две недели, флиртуя с итальянскими медсестрами, пока его не согласились отправить домой. Той осенью, поступив в Делавэрский университет, он какое-то время продолжал хромать, потому что девочкам, очевидно, нравилось, что он ранен. Так он и познакомился с Кэтлин.

Одним дождливым октябрьским днем Вирджил коротал время в библиотеке — нога задрана, руки опираются на костыли. Он слушал пластинки Чарли Паркера и фантазировал о том, что он — участник легендарного джаз-квартета и играет на саксофоне в огромном зале перед толпой людей. Больше всего ему нравились песни “Антропология” и “Парник”, но и медленные, вроде “Все это ты”, он тоже любил. Именно эту песню он слушал, когда заметил стройную брюнетку, которая сидела неподалеку и читала. Ее каштановые волосы, густые и блестящие, были разделены пробором, и на ней было белое платье с короткой плиссированной юбкой.

Вирджил долго пялился на платье, пока не понял, что это теннисная форма.

Когда он наконец собрался с духом уйти, то проковылял мимо ее стола, и его как будто ударило током, когда она подняла на него взгляд, прошептала: “Притворщик”, и улыбнулась.

До Битси Беккет ей, конечно, было далеко, но она была хорошенькая и подчеркивала это макияжем. Легкий и непринужденный смех тоже украшал ее. В первый раз, когда они зашли дальше поцелуев, он прокрался в ее комнату в Уорнер-холле через окно, и она, видимо, знала, что будет происходить, раньше него: она сказала, что поменяла простыни, а соседка ушла на два часа.

Вирджил не знал, чего ожидать, и был приятно удивлен, когда Кэтлин усадила его на кровать, объявила, что проникновения, само собой, не будет, и предложила короткий перечень приемлемых альтернатив. Он смущенно сообщил ей, что все равно забыл презерватив. Кэти знала, что и когда ей нравится. Ей не хотелось пробовать что-то новое, и это не изменилось ни за три года отношений, ни за последующие девять лет брака. Она не говорила ему о тех, кто был до него; да он и не спрашивал. Она пристраивала голову в его подмышку, когда они обнимались (она называла его подмышки “гнездами ондатры”), и он вздыхал с облегчением, когда думал о том, что нашел эту высокую девушку, которой нравится командовать. Вирджил чувствовал себя легко и свободно с Кэтлин Лавлейс, так что на последнем году обучения он сделал ей предложение, и она согласилась. За эти годы Вирджил иногда беспокоился за Кэти, но никогда, ни разу не беспокоился за их брак.

— Ты будешь вылезать?

Кэтлин отрицательно помотала головой.

Вирджил опустил руку в воду.

— Люди и в более теплой воде грипп подхватывают, — сказал он.

— Да ладно, — отмахнулась его жена, отлепляя несколько мокрых прядей от шеи. — Я чувствую себя великолепно. Но если тебе холодно, иди в дом.

Она тряхнула головой и улыбнулась.

— Я просто купаюсь, вот и все, — сказала она. — Скажи мальчикам, пусть приходят, если хотят.

Вирджил взглянул на балкон. Его сыновья все еще стояли там со скрещенными на груди руками.

— Я принесу тебе полотенце, — сказал он.

— У меня есть полотенце, — ответила Кэтлин.

Голубое полотенце было сложено на траве, рядом с чехлом от бассейна, похожим на развалившуюся палатку. Вирджил удивился: каким образом Кэтлин сняла чехол сама? Ему пришло в голову, что ей кто-то помог.

“Космо”, — подумал он.

Космас Парузия-младший, делавэрский грек, был владельцем и управляющим Акрополис-плейс. Это был низкий черноволосый гладко выбритый мужчина, который ежедневно обливался, по оценкам Вирджила, как минимум ведром одеколona “Пино клуб-мэн”. Неожиданно высокий и пронзительный смех Космо часто был слышен в разных уголках дома. Он взял бразды правления в свои руки два года назад, когда умер его отец, и носил шорты почти круглый год.

Иногда Вирджил видел его короткие волосатые ноги торчавшими из-под чьей-то машины.

Кэтлин за спиной называла его “Трольчонком”, но Вирджилу он нравился. У Космо с женой было два сына, чуть старше Николаса и Натаниэля. Маль-